



Это кто? А это Леша с Гошей, Иващенко и Васильев — не камерные лирики и не шоумены, а так, лабают песенки свои несерьезные, публика рыдает; известно, публики чем больше, тем она дурее, собери несколько тысяч, покажи палец — ржать будет до слез... А если несколько тысяч — да все разом свистнут? А по гнилой помидорке бросят?.. Нет, пальцем публику не заведешь. Они умные, Иващенко и Васильев. Они уверенные в себе. Они не боялись менять вполне удавшуюся жизнь на новую, и новая жизнь им тоже удалась. А от фамильярных дураков у Иващенко и Васильева есть защита: зовут друг друга строго по имени-отчеству. "По-моему, вы ничего не соображаете, Алексей Игоревич" — "Нет, Георгий Леонардович, это вы..."
Такие люди.

Алексей ИВАЩЕНКО, Георгий ВАСИЛЬЕВ:

Мы слишком много аккордов знаем и слишком веселые песни поем

— Вы поете вместе со студенческих лет — святое время, но сейчас Алексей Игоревич — актер, а Георгий Леонардович — бизнесмен. Не ощущаете социальную разницу?

Г. Л. — Это разница в возрасте прежде всего. Аж на год. В те времена, когда мы встретились в МГУ, она была настолько велика, что я Алексея Игоревича просто не замечал. Он был каким-то первокурсником. Мальцом. А я был уже руководитель агитбригады. Так с тех пор и пошло.

— Вы состоятельный человек?

Г. Л. — Как вам сказать? Я работаю, как все. Просто моя работа называется менеджер.

— Давайте всю цепочку по порядку.

Г. Л. — Сначала я был научным сотрудником. Потом я был председателем исполкома, потом советником мэра Москвы, потом президентом Московской товарной биржи. Это было такое романтическое время, я внедрял там фьючерсную торговлю. Никто не знает, что это такое, но звучит красиво, как говорит Алексей Игоревич. Потом я работал в инвестиционной компании, занимался чем угодно — от производства марганца в Коми до производства йогурта под Москвой. В конце концов остановился на проекте, который называется сотовая связь "Билайн".

— То есть вы новый русский, такой по стереотипу богатый человек, а Алексей Игоревич актер, такой по стереотипу нищий, но одухотворенный. Вот об этой социальной разнице я и говорю.

А. И. — Это из-за вас, из-за газетчиков, все так и думают, что новые русские — это те, кто обеспеченные, а те, кто не обеспеченные, те новые русские. На самом деле новые русские отличаются от старых русских только количеством денег. По долгам я себя считаю новым русским.

Г. Л. — Предприниматель не боится делать долги в десятки тысяч долларов. Он вкладывает деньги в дело, постоянно рискует и тем отличается от человека, который получает заработную плату. Почему Алексей Игоревич так бодро начал отвечать на этот вопрос? Потому что...

А. И. — ...да, я попреждал... Потерял все, что можно, включая квартиру. Но меня это не пугает. Все равно знаю, что придумаю что-нибудь — куча идей, планов...

Г. Л. — В этом смысле Алексей Игоревич более новый русский, чем я. Он человек свободной профессии, а я получаю заработную плату вице-президента компании.

А. И. — Я вынужден кормиться, что называется, ногами. Придумывать себе работу сам. Слава Богу, пока она есть, ее много и она стала оплачиваться.

— Ваша последняя актерская работа — это...

А. И. — Самая последняя еще не кончилась — озвучиваю Джинна в мультсериале "Аладдин". А еще есть такой театр "Современная опера" под руководством Алексея Рыбникова, он там поставил свою новую оперу "Литургия оглашенных". Я один из исполнителей главной роли.

— Я начинал с довольно некорректного вопроса об уровне жизни, потому что сам еще не разобрался, лучше стало интеллигенции или хуже. У журналистов всегда была возможность побольше писать и побольше зарабатывать — в этом отношении мало что изменилось. А тут смотри, стоят с плакатами за возрождение высшей школы. Спрашиваю, вы кто? — Социолог. Так что ж вы стоите, социолог-то должен понимать, что сначала надо возродить промышленность, а уж потом она потребует специалистов и возродит высшую школу.

Г. Л. — Есть вещи невосполнимые, и то, что сейчас высшая школа бедствует, это невосполнимая потеря на много лет. Сравнивая нынешние годы с теми, когда мы учились — мне одной куртки хватало на три года, штанов на два, и я не страдал — все так ходили. Никто не стремился зарабатывать. Достаточно было скопить к лету на поездку на Исык-Куль, и ты был счастлив. Сейчас изменилась психология людей, и, по-моему, они от этого много теряют. Если бы мы жили жизнью сегодняшней молодежи, то, может быть, вообще не сочиняли бы песен. Не было бы времени.

— Но это не высшая школа потеряла. Это все мы получили.

Г. Л. — Высшая школа давала пять лет свободной жизни. Это самые счастливые годы — не о чем беспокоиться, распределение гарантировано, свои сто двадцать рублей будешь иметь после окончания университета.

— Мне кажется, это из серии "При Сталине было лучше, потому что женщины были моложе".

Г. Л. — Да, странно из моих уст это слышать... — Тем более странно, что в те идеалистические времена вы активно очерняли соцестительность. Напомню ваш шлягер "Робот Му-му": "Программа свыше мне дана, замена разуму она" и так далее.

Г. Л. — Это свойственно российской интеллигенции — рубить сук, на котором сидишь.

— Причем, на мой взгляд, тогда вы занимались очернительством жизнеустроения, чем сейчас. Образ "ума палаты номер шесть"

из вашего выходящего на днях компакт-кажется мне весьма драматичным. Или у вас подошел такой возраст?

А. И. — А образ "Пора по пиву, пора"?

Г. Л. — Мы пишем сейчас песни не менее смешные. Но проходит время, и меняются представления о смешном.

А. И. — Пример: "Приходи ко мне, Глафира, принеси кусочек сыра..." Десять лет назад люди ахали: что они поют! Как это смело!

Г. Л. — В некоторых концертах нам запрещали ее петь, говорили, вы уж воздержитесь от остро социальных тем. Там же упоминались сыр, масло, колбаса... Теперь это не смешно.

— А что, писать смешно — это задача или мировосприятие?

Г. Л. — Наша задача — доставить человеку удовольствие. Пусть он смеется, пусть он плачет, но чтобы после концерта он чувствовал себя лучше, чем до.

— То есть по жанру вы ближе... К кому? С кем бы хотели выступить в сборном концерте: с Окуджавой или с Аркановым?

Г. Л. — С Никитиным. Мы с ним и выступали недавно в Израиле.

А. И. — Вот где коммунизм. В кибуцах. Семь человек занимаются двумястами коровами, которые дают по двенадцать тысяч литров молока в год, непонятно, откуда что берется. Собственности, в общем, не имеют, но людям нравится устроенность. Жизнерадостные все, энтузиазм, идея — из Америки с ее уровнем жизни приезжают за этой, по-нашему говоря, колхозной идеей. Вот нам в нашей стране надоело жить этой идеей, мы хотим пожить по-новому. А им надоело жить, как все у них, они тоже хотят пожить по-новому, и кто прав, я не знаю.

Г. Л. — Наверное, у человека должна быть возможность выбора: хочешь — пожил при капитализме, хочешь — при коммунизме.

— В вашем компакт "Ума палата" вы изменили гитаре, в некоторых песнях звучит целый оркестр. Из традиционной авторской песни вы все дальше уходите на поле Олега

на солнце? И все время это делает добросовестнейшим образом. Я его прекрасно понимаю, потому что он задал высокую планку этому жанру и обязан ее удерживать.

Г. Л. — Вообще авторская песня — это стиль мышления. Фильм "Ирония судьбы" сделан в стиле авторской песни, как "Игла" с Цоем — в стиле рок. Конечно, трудно ее аранжировать. Всегда можно скатиться в попсу, в эмигрантов — Токарева, Шуфутинского, — но в компакт-диске мы сохранили стилистику авторской песни.

А. И. — Никитины нам рассказывали, как были в Сан-Ремо, там, кроме одного из самых поповских фестивалей, проводится и фестиваль некоммерческой музыки. У них "некоммерческая песня" — то, что у себя мы назвали бы авторской песней. Так вот, помимо Никитиных, там один-два человека пели под гитару, у остальных все было чрезвычайно тонко и хитро аранжировано. Они привыкли так воспринимать.

— По-моему, есть оптимальный объем информации в песне; когда в тексте информации мало, надо пустить дымогенераторы, лазеры, подтанцовку. Сложный текст — минимум "сопутствующих товаров", они мешают восприятию.

Г. Л. — Мы это очень хорошо чувствуем, потому что наш основной жанр — это не песня, а концерт. Мы даем концерт на два — два с половиной часа, прекрасно понимая, что существует психологический предел восприятия. Люди начинают уставать, внимание рассеивается, и мы упрощаем концерт. Но запись — другой жанр, если ты не понял что-то с первого раза, можешь слушать еще, пока не поймешь.

А. И. — Саймон и Гарфункель тоже сначала играли в две гитары, а потом сделали множество интересных аранжировок, в которых эти гитары все равно как бы выступали на первом плане.

Г. Л. — Бойль и Мариотт... Я и великие...

А. И. — А что, я учился у великого человека — у Сергея Бондарчука во ВГИКе. Он был безусловно великий человек, и мы это прекрасно понимали. Когда мы находились в полном тупике и не знали, что делать, он сказал: вот вам три странички, это Лев Толстой написал, что такое искусство. Там понятно написано. Лев Толстой был умный старичок и правильно думал про жизнь, говорил Бондарчук. Я прочитал эти три странички, и действительно стало понятно, что мы делали неправильно.

— На Западе социально высокие, барьерные цены билетов на классическую музыку, поэтому у заведомо элитные концерты, и концерты поповские, на стадионах — все шоу-бизнес. А у нас немассовая музыка убыточна, будь то классика, авангард, а в иных случаях и джаз, и авторская песня. Так вы в какой среде существуете — немассовой музыки или шоу-бизнеса?

А. И. — Мы менеджер и актер, у которых такое хобби.

— Хобби на кухне, а выходя на сцену, вы выступаете с публикой в том числе и в товарно-денежные отношения.

А. И. — Да, это очень ответственное хобби.

Г. Л. — В нашем положении можно много зарабатывать, но для этого надо работать по законам шоу-бизнеса. Вкладываются большие деньги в клипы, в магнитоальбомы, в размещение на телевидении, и потом начинается "чес": сто, двести, триста концертов по всей России... Я бы никогда в жизни не согласился петь одну и ту же программу по три раза в день.

А. И. — Не потому, что это плохо, а потому, что мы по-другому устроены. Не можем долбить одну и ту же программу по несколько раз в день. Мы к концерту готовимся, не репетируя песни, а вбирая все окружающее, настраиваясь: вот какое сегодня должно произойти событие...

Г. Л. — Мы хотим получать удовольствие от того, что делаем. И второе — у нас просто нет времени, у каждого своя работа. Но первая причина важнее. Возможно, мы концертируем меньше, чем следовало бы, потому что билетам на наши концерты спекулируют. В кассах билетов нет, а в зале, смотришь, — свободные места: билеты пропадают у спекулянтов, но цену они не сбрасывают. Есть один выход: дать несколько концертов подряд в большом зале, чтобы удовлетворить спрос. Мы выбрали "Октябрь" — там больше двух тысяч мест. Дадим концерты 22, 24 и 28 мая.

— Бывает, что вы торчите от самих себя?

А. И. — Еще как торчи! Но это достаточно редко, потому что требования к себе сейчас высокие. Когда один раз получилось — весь концерт получился, ты видишь это по зрителям и по собственным ощущениям, мурашки бегут, думаешь, Господи, стоило жить! Так вот, когда один раз получилось, хочется повторить, а повторить каждую ноту невозможно — все должно родиться заново. Поэтому в следующем концерте ищешь другие способы достичь того же единения с залом, общей радости. Если это не получается, мы чувствуем себя неудовлетворенными, хотя может быть три биса.

— А вы про себя пользуетесь терминами "аура", "энергетика"?

А. И. — Нет, у нас "покатилось" — "не покатило", "завелся" — "не завелся".

— Вам скоро по сорок, приближается то, что на Западе зовут "кризис середины жизни"...

Г. Л. — И первый признак — то, что мы издали этот компакт-диск. До этого критического возраста нам не приходило в голову архивировать песни. Мы их писали, забывали...

А. И. — Мы никогда не записывали на бумагу тексты — все держали в голове. А теперь время подвести промежуточный итог.

Встречался Евгений НЕКРАСОВ. Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.